

Елена - С-108 - 1995 - 24 июня - С. 7

Юрий Башмет

о "нерихтеровском" образе жизни

ЮРИЙ Башмет объявился на фестивале "Звезды белых ночей" всего на один день, дав единственный блестящий концерт в Большом зале Филармонии. Частный дорогостоящий самолет доставил Башмета к границе, дабы он успел в очередной раз доказать питерской публике гениальность своих пальцев и обаяние творческой натуры. Вечером на маленьком фуршете Юрий Башмет произнес тост во славу "непосредственных отношений" и вообще много говорил о "роли личности в истории", подразумевая роль личности Валерия Гергиева в истории международного фестиваля "Звезды белых ночей". Кроме того, он с гордостью продемонстрировал присутствующим концерт с гонораром за вышеупомянутый концерт, назвав его приятной неожиданностью.

- ЮРИЙ Абрамович, вы никогда не интересуетесь содержанием концертов или только в этом отдельном случае?

- Просто я прекрасно понимаю, что сумма, врученная мне сегодня, - чисто символическая. Мне не хватило бы ее даже на день суточных где-нибудь на Западе. Но эта их (имеется в виду оргкомитет фестиваля) потрясающая способность все равно что-нибудь дать...

- А ваша способность взять...

- Да, как будто это что-нибудь серьезное... Чтобы быть здесь сегодня, я действительно прервал турне своего оркестра. И финны, не переспрашивая, дали мне эту возможность. Поняв, как для меня важен приезд в Петербург, они оценили тот факт, что я все-таки оказался у них.

Здесь произошло то же самое. Я люблю приезжать в этот город. И если быть честным, я прорывался сюда не столько ради самого фестиваля, сколько ради Валеры Гергиева. Много лет нас связывает дружба с ним и композитором Сашей Чайковским, новое произведение которого мы исполняли на концерте.

- Вы выступали в темных очках и сейчас тоже в них...

- Публика, наверное, подумала, что я сыплендриваюсь. На самом деле все объясняется просто. У меня проблема с глазами - какой-то вирус на фоне аллергии. Поэтому я вот уже двенадцать дней не снимаю очков, дабы избавить своих собеседников и зрителей от неприятного зрелища. Хуже другое - отсутствие ощущения свободы на сцене. Какая-то неловкость, знаете ли, как будто у тебя ширинка расстегнута.

- Вы - человек очень популярный. И ваши поклонники - это не только публика, входящая к вам на концерты, но и многомиллионная аудитория телезрителей. Амплитуда телевизионного ведущего, участие в кинофестивалях... Не получаете ли вы упреков от ваших собратьев - музыкантов за тусовочный образ жизни?

- Если быть точнее, то меня упрекают за "нерихтеровский" образ жизни. Что это такое, я прекрасно понимаю. Потому что я никого и никогда не уважал и не любил в мире музы-

ки, как Рихтера. Я с ним много общался и общаюсь. И найдется всего три-четыре человека, которые знают его так же, как я.

Но я никогда не стремился иметь "рихтеровский" облик. И меня раздражает, когда я слышу про себя такое мнение, что богом одаренный актер превращается в шоумена. Я в своих передачах не завлекаю публику дешевыми трюками, говорю о самых что ни на есть возвышенных сферах, а не о политике и скандалах. Популярность классического музыканта среди миллионов - пока что для нас непривычный и в чем-то компрометирующий факт.

- Вы говорите, что не обсуждаете в своей передаче политику и скандалы. А мир музыки

разве обходится без скандалов? И тоже, наверное, своя политика имеется?

- Быть может, скандалы имеются между отдельными ее представителями. Бывают и скандальные имена. Но музыка... - это некий дух, который выше всего после, пожалуй, самой религии.

Тут разговор прервался. В комнату, где мы беседовали, вошел импозантный Гидон Кремер. Недолгое прощание Кремера и Башмета, брошенное напоследок: "Созвонимся в Париже"... Таким образом был навеян следующий вопрос:

- А почему вы, Юрий Абрамович, отвергли предложения жить и работать на Западе, которые, я уверен, у вас были? Ведь в нашей стране любые таланты и популярность не могут служить гарантом безопасности и обеспеченности?

- Я сам пока не ответил на этот вопрос... Наверное, я недостаточно смелый человек.

Еще в 76-м году меня приглашали концертмейстером в оркестр Караяна, потом я отверг предложение преподавать в двух городах Германии, где музыкант, как никто другой, социально защищен. Это страна, в которой каждый таксист знает, сколько симфоний у Брамса.

- Уж не жалеете ли вы об этом?

- Нет. У меня есть здесь все, что мне нужно.

- А нужно вам много или мало?

- Прежде всего мне нужна свобода, которая требует определенной суммы денег: чтобы была возможность заниматься ночью (у меня дом в Подмоскowie), чтобы не ютиться в маленьких пространствах, чего я очень не люблю, чтобы учить детей так, как я хочу. В этом смысле я не нуждающийся человек. Но шиковать и покупать замки на юге Франции - это мне не под силу. Да и такой потребности не испытываю.

- Откуда взялся в вашей судьбе альт - инструмент достаточно редкий?

- Это смешная неслучайность. Пусть будет вам известно, что уже в 13 лет (я был ребенком очень раннего развития) у меня были большие усы и громкая слава виртуозного гитариста в городе Львов. Это было золотое время "Битла", и у меня была своя группа (не поп-, поскольку и слова-то такого не было, а бит-группа. Слово "бит" означает "удар"). Я зарабатывал очень много денег, меня любили девушки, и я их любил. Короче, это была вполне свершившаяся жизнь. Гитара была моей душой и смыслом существования. А музыкальная школа со скрипочкой - это для мамы. Один мой приятель как-то сказал, что, если я хочу продолжать играть на

скрипке, это потребует от меня много усилий и времени, а это мне нужно было для моей любимой гитары. "Бот альт - это совсем другое дело", - сказал он, - и репертуар намного проще". А скрипка меня вообще раздражала на самом своем вершине. Не мог физически переносить этот ее диск комариный у самого уха...

Так случайный выбор альт оказался стопроцентным попаданием. Я считаю альт более благородным и аристократичным инструментом. Он вообще как человек. Но озабоченный. Альт, как бы сказать, гермафродит. И как любой выворот в природе - очень объемный и мистический.

У Рафаэля на его заказных портретах знатных людей всегда окружают юноши: кто-то подносит фрукты, кто-то вино. Дальше горы типично итальянские. Все эти юноши настолько красивы и изящны, что напоминают девушек. И красота их необычайна; они красивы вне века. Вы понимаете меня? Красота, не принадлежащая сексу. Это и есть альт. Мистическое, нечто неопределенное и совершенно всеобъемлющее. С одной стороны - космическая глубина, с другой - лиричность и трагизм, холодный, философский.

Беседовала
Елена Достовалова
(ИМА-пресс)